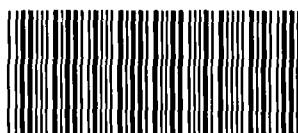

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ

4845354

На правах рукописи

УСТИНОВА Юлия Владимировна

**ОСОБЕННОСТИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ США
ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»**

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы
международных отношений,
глобального и регионального развития

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

12 МАЙ 2011

Москва
2011

*Работа выполнена в Институте Соединенных Штатов Америки
и Канады РАН*

Научный руководитель –

доктор политических наук

Шумилин Александр Иванович

(Институт США и Канады РАН – ИСК РАН)

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор

Звягельская Ирина Доновна

(Институт востоковедения

Российской академии наук – ИВ РАН)

кандидат политических наук

Войтоловский Федор Генрихович

(Институт мировой экономики и международных

отношений Российской академии наук – ИМЭМО РАН

Ведущая организация –

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова

Защита состоится 19 апреля 2011 г. в 14 часов на заседании

Диссертационного совета Д002.244.02

при Учреждении Российской академии наук

Институте Соединенных Штатов Америки и Канады РАН

по адресу:

123995, Москва, Хлебный пер., 2/3, конференц-зал.

*С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института США и Канады РАН*

Автореферат разослан 18 марта 2011 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат политических наук

Н.А. Гегелашвили

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Обоснование темы исследования и его актуальность. Регион Ближнего Востока является одним из приоритетных направлений внешней политики Соединенных Штатов Америки. Географическое положение, богатство топливно-энергетическими ресурсами и геополитические факторы определили его стратегическую роль в повестке дня внешней политики США.

С распадом Советского Союза конфликт СССР и США как государственно-организованных субъектов-носителей универсалистских идеологий и соответствующих типов социально-политических систем перестал быть основой организации системы международных отношений. Окончание «холодной войны», распад СССР и последовавшие изменения всей системы международных отношений вызвали необходимость пересмотра основных стратегических целей политики США и методов ее реализации в отношении других крупных игроков на мировой политической арене как в целом, так и в отдельных регионах. Безусловно, ключевые и долговременные цели ближневосточной политики США – обеспечение стабильных и бесперебойных поставок нефти из региона, поддержание мира и обеспечение безопасности как государства Израиль, так и региона в целом, – остались неизменными. В то же время после окончания «холодной войны» Вашингтону приходилось неоднократно формулировать новые подходы и приоритеты своего ближневосточного курса, что, в свою очередь, было обусловлено быстрыми и глобальными политико-экономическими изменениями.

Некоторые цели американской политики – в особенности те, для достижения которых требуется преимущественно военная сила, Соединенные Штаты зачастую могли реализовать без какой-либо поддержки или участия, а иногда в случае необходимости и вопреки оппозиции европейских стран или России. Но со временем и в большей степени после событий 11 сентября 2001 г. выработка и реализация политики по отношению к региону Ближнего Востока становится одним из краеугольных камней современной мировой политики и, следовательно, требует поддержки или принципиального со-

гласия ЕС, России и Совета Безопасности ООН (СБ ООН), что, в свою очередь, влияет на формирование внешнеполитических приоритетов США в данном регионе.

Следует отметить, что в начале XXI века Ближний Восток, оставаясь стратегически и политически значимым регионом, стал также и источником угроз для Америки. Деятельность террористических или экстремистских группировок, получивших легальный статус в некоторых арабских государствах и Палестинской автономии, в частности, ХАМАС и «Хезболла», привела к значительной дестабилизации ситуации в регионе. Вспышка боевых действий в июле – августе 2006 г. между Израилем и группировкой ХАМАС в Палестинской автономии, а затем краткосрочная, но полномасштабная война между Израилем и «Хезболлой» в Ливане – яркие тому свидетельства.

Война против терроризма стала важной политико-мотивационной основой курса администрации Дж. Буша-мл. в том числе и в регионе Ближнего Востока. Для достижения этой цели США начали войну в Афганистане в 2001 г. Необходимость вторжения в Ирак в 2003 г. неоконсерваторы объясняли намерением не допустить попадания оружия массового уничтожения (ОМУ), в производстве которого подозревался режим С. Хусейна, в руки террористических организаций. Политика США по отношению к Ирану также диктовалась стремлением пресечь развитие иранской военной ядерной программы и не допустить дальнейшего укрепления влияния этого государства в регионе. Отсутствие стабильности в регионе представляет непосредственную угрозу для другой жизненно важной задачи США – обеспечения энергетической безопасности. В частности, под этим понимается поддержание бесперебойных поставок нефти из региона, а также сохранение Вашингтоном влияния на процессы ценообразования на мировом рынке углеводородного сырья.

Актуальность темы исследования определяется сохраняющейся остротой международно-политического положения на Ближнем Востоке в целом и в исследуемых зонах развития конфликтов, вызовов и угроз (палестино-израильское направление, Ирак, Иран), а также тем, какое экономическое и военно-политическое значение политика США в регионе имеет в глобальных масштабах.

На формирование повестки дня США в регионе Ближнего Востока оказывают влияние три значимые политические проблемы: 1) продолжающиеся акты насилия со стороны экстремистских и террористических организаций в Ираке; 2) неразрешенный палестино-израильский конфликт; 3) действия Иранского правительства, включая нежелание Тегерана выполнять условия резолюций СБ ООН, связанных с его ядерной программой. По этим причинам именно на

трех указанных группах проблем сосредоточено основное внимание исследования.

Объектом данного исследования является политика США в ближневосточном регионе, реализация которой осуществлялась на протяжении периода после окончания «холодной войны».

Предметом исследования стали основные цели, тенденции, процессы и механизмы, а также концептуальные основы формирования и реализации ближневосточной политики США после распада bipolarной структуры международных отношений.

Хронологические рамки работы охватывают период с начала 1990-х годов XX века до конца 2008 г. В работе осуществляется анализ и сопоставление особенностей формирования и реализации ближневосточного курса администраций У. Клинтона и Дж. Буша-младшего.

Нижняя хронологическая граница исследования обусловлена тем, что в начале 1990-х годов произошел распад bipolarной системы международных отношений, исчез Советский Союз и существенно снизилось влияние России, его правопреемницы, на Ближнем Востоке. Эти факторы послужили стимулом для корректировки стратегических целей и текущих задач внешней политики США на Ближнем Востоке. Рубеж 2008 г. выбран в связи с тем, что это год окончания второго президентского срока Дж. Буша-мл. и выборов нового президента США. Администрация Б. Обамы провозгласила необходимость радикального пересмотра внешней политики, проводившейся Дж. Бушем-мл. на многих направлениях, включая ближневосточное. В своем выступлении в Каирском университете 5 июня 2009 г. Б. Обама заявил также о смене принципов политики США на Ближнем Востоке. Поскольку первый президентский срок Б. Обамы еще не завершен, было бы преждевременным проводить анализ осуществляющей его администрацией ближневосточной политики как сформировавшегося и логически завершенного явления.

Географические рамки диссертации включают отдельные государства ближневосточного региона, в частности Израиль и Палестину¹, Ирак и Иран. Выбор именно этих стран обусловлен тем, что на протяжении всего изучаемого периода они являлись основными источниками вызовов для интересов и практической политики США, а также служили источниками нестабильности во всем ближневосточном регионе. Американская политика в регионе не являлась лишь израильтенциальной, но была направлена на противодействие угрозам

¹ Следует отметить, что государственный статус Палестинской автономии признается не всеми странами мира.

и вызовам, включая те, которые влияют на безопасность ключевого союзника США в регионе. Урегулирование палестино-израильского конфликта оставалось приоритетом для США, поскольку было напрямую связано как с необходимостью обеспечения поддержки Израиля, так и с сохранением ровных отношений с нефтедобывающими арабскими государствами, от позиции которых зависели бесперебойные поставки нефти из региона. Задача сдерживания Ирака и Ирана диктовалась соображениями безопасности (сохранение политической стабильности в регионе), а также экономическими факторами (поставки энергоносителей). После событий 11 сентября 2001 г. Вашингтон стал все в большей степени рассматривать свои приоритеты в политике на Ближнем Востоке в контексте более широких задач борьбы с международным терроризмом, а также предотвращения радикального изменения соотношения сил в регионе.

Цели и задачи исследования. Главной целью работы является анализ основных тенденций развития ближневосточной политики США в период после распада биполярного миропорядка и выявление специфических особенностей идеально-концептуальных основ и форм практической реализации этой политики в условиях формирования нового политического мироустройства. Выявляются и анализируются интересы и стратегические цели США в регионе Ближнего Востока, а также организационные и функциональные особенности деятельности политических институтов и механизмов, способствующих их реализации.

Для достижения поставленной исследовательской цели в диссертации решаются следующие аналитические **задачи**:

- 1) определить место ближневосточного региона в современной внешней политике США;
- 2) выявить ключевые военно-политические и экономические интересы США, оказывающие наиболее существенное влияние на формирование политического курса в ближневосточном регионе;
- 3) провести сравнительный анализ концептуальных подходов и политических стратегий администраций У. Клинтона и Дж. Буша-мл. к региону Ближнего Востока;
- 4) на примере политики США по отношению к палестино-израильской проблеме, Ираку и Ирану осуществить анализ эволюции и сопоставление практических подходов и политических методов, используемых Соединенными Штатами для реализации своих интересов и решения основных проблем региона Ближнего Востока.

Научная новизна исследования определяется постановкой проблемы системного исследования закономерностей и тенденций формирования политики США на Ближнем Востоке после «холодной войны». В отечественной научной литературе освещены отдельные аспекты этой тематики, однако комплексных исследований такого рода не предпринималось. Еще одним существенным параметром, определяющим новизну постановки научной цели и задач исследования, является то, что действия США по урегулированию палестино-израильской проблемы, их политика по отношению к Ираку и Ирану, анализируются как взаимосвязанные составляющие единой региональной стратегии Вашингтона.

Основные **источники**, использованные в данной работе, можно разделить на несколько групп:

1. Официальные американские внешнеполитические документы, определяющие или влияющие на курс США по отношению к странам Ближнего Востока, включая официальные концепции доктринального характера; выступления президентов (У. Клинтона, Дж. Буша-мл.), государственных секретарей (У. Кристофера, М. Олбрайт, К. Паузэлла, К. Райс), министров обороны (У. Перри, У. Коэна, Д. Рамсфелда), других официальных лиц США (в том числе Э. Лейка, С. Бергера, М. Индика).

2. Официальные документы и доклады международных организаций, в частности резолюции СБ ООН по ключевым вопросам урегулирования палестино-израильского конфликта, проблеме Ирака и Ирана; выступления генерального секретаря ООН; доклады комиссии Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) по ядерной проблеме Ирана и Ирака.

3. Документы, подготовленные представителями США или при их участии в рамках выработки решений по основным проблемам на Ближнем Востоке. В большей степени это относится к соглашениям, подписанным в рамках решения палестино-израильского конфликта и предлагавшим основные этапы и механизмы его урегулирования.

4. Документы и аналитические материалы, подготовленные экспертным сообществом США и ведущими «фабриками мысли», в которых описываются ключевые факторы, влияющие на выработку ближневосточной стратегии США, их эволюция в контексте изменяющейся системы международных отношений и ситуации в самом регионе, а также предлагаются варианты решения проблем и возможные сценарии развития событий и соответствующих действий. Этую группу источников имеет смысл отделить от научной литературы по теме, поскольку дискуссии, шедшие в научно-экспертном со-

обществе в исследуемый период, оказывали косвенное воздействие на практическую политику США в регионе.

5. Мемуары американских и российских государственных деятелей и политиков стран Ближнего Востока рассматриваемого периода, позволяющие проанализировать субъективные интерпретации и оценки роли дипломатии США в арабо-израильских отношениях, на иракском и иранском направлениях.

6. Материалы зарубежной и российской периодической печати.

Степень научной разработанности темы. Специфика темы диссертации предполагает обращение к литературе по двум основным тематическим направлениям. Во-первых, к работам общетеоретического и методологического характера, посвященным проблемам и глобальному контексту концептуализации внешнеполитического курса США после «холодной войны», определению их роли в формирующемся системе международных отношений. Во-вторых, к исследованиям политики США по отношению к конкретным странам ближневосточного региона, а именно Израилю, Палестине, Ираку и Ирану.

Природа «глобальных интересов» США в современном мире и их трансформация в приоритеты внешней политики США в последние десятилетия были подробно изучены в трудах Э.Я. Баталова, А.Д. Богатурова, Э.А. Иваняна, Н.А. Косолапова, В.А. Кременюка, С.М. Рогова и Т.А. Шаклеиной².

В проводимом исследовании эволюции ближневосточной политики американской администрации по отношению к палестино-израильской проблеме, а также Ирану и Ираку были использованы

² Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). – М.: РОССПЭН, 2005; Богатуров А.Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI веке // МЭИМО. – 2007. – № 9. – С. 114–121; Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: ИНОФМО, 2002; Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатуров. – М.: КомКнига, 2005; Иванян Э.А. История США. – М.: Дрофа, 2004; Внешнеполитическая стратегия республиканской администрации США. – 2001–2002 / Под. ред. В.А. Кременюка, П.Т. Подлесного. – М.: ИСКРАН, 2002; Кременюк В.А. Взгляд вперед: задачи внешней политики администрации Буша // США ♦ Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – № 12. – С. 40–52; Кременюк В.А. США и окружающий мир: уравнение со многими неизвестными // США ♦ Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 1. – С. 5–10; Рогов С.М. 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений. – М.: ИСКРАН, 2001; Рогов С.М. Доктрина Буша // Свободная мысль. – 2002. – № 4. – С. 4–14; США-2001. Социально-политический и стратегический обзор / Науч. рук. С.М. Рогов. Отв. ред. В.А. Мазинг. – М.: ИСКРАН, 2001; Шаклеина Т.А. Доктрина Клинтона и будущее американской внешней политики // США – экономика, политика, идеология. – 1997. – № 12. – С. 17–32; Шаклеина Т.А. Современные американские концепции мирового лидерства. – М.: ИСКРАН. – 1999.

оценки и выводы, приведенные в работах Е.М. Примакова, С.М. Самуилова, М.А. Троицкого³.

Особую значимость для автора представляют труды А.И. Шумилина. Результаты осуществленного в его работах анализа влияния на формирование внешней политики США такого фактора, как исламский терроризм и необходимость борьбы с ним, а также «фактора нефти», составили основу теоретической части диссертации⁴.

Отдельно следует отметить ряд коллективных монографий: «США на рубеже веков», «Политика США в меняющемся мире», «Кризисные явления в мировой экономике и политике», «Проблемы и перспективы урегулирования на Ближнем Востоке», изданных исследователями Института США и Канады РАН, Института востоковедения РАН и ИМЭМО РАН⁵.

Другой важный пласт литературы, использованной автором, затрагивает сюжеты, связанные непосредственно с решением ключевых для американской администрации вопросов в регионе Ближнего Востока.

Для понимания региональной специфики и значения региона Ближнего Востока в международных отношениях в целом использовались работы В.Я. Белокренецкого и Е.М. Примакова⁶.

³ Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. – М.: Мысль, 1978; Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина ХХ в. – начало ХХI в.). – М.: ИИК «Российская газета», 2006; Самуилов С.М. Неоконсерваторы и внешняя политика Вашингтона // США ♦ Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 5. – С. 31–50; Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004: модернизация системы американо-европейского партнерства после распада bipolarности. – М.: ИСКРАН, 2004.

⁴ США на Ближнем Востоке: «Доктрина Буша» в действии / А.И. Шумилин, Л.Г. Гукасян, В.А. Литовкин. – М.: ИСКРАН, 2004; Антитерроризм – системообразующий фактор внешней и оборонной политики США / В.А. Литовкин, Г.И. Мирский, Г.Л. Гукасян, И.В. Шумилина. Отв. ред. А.И. Шумилин. – М.: ИСКРАН, 2005; Шумилин А.И. Энергетическая стратегия России и США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. – М.: Международные отношения, 2008; Шумилин А.И. Взаимодействие стратегий России и США на Большом Ближнем Востоке: проблемы сотрудничества и конкуренции. Автограф, на соиск. уч. ст. докт. полит. наук, 2009.

⁵ США на рубеже веков / Отв. ред. С.М. Рогов. – М.: Наука, 2000; США-2001. Социально-политический и стратегический обзор / Науч. рук. С.М. Рогов. Отв. ред. В.А. Мазинг. – М.: ИСКРАН, 2001; Внешнеполитическая стратегия республиканской администрации США, 2001–2002 / Под. ред. В.А. Кременюка, П.Т. Подлесного. – М.: ИСКРАН, 2002; Политика США в меняющемся мире / Отв. ред. П.Т. Подлесный. – М.: Наука, 2004.; От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Ф.Г. Войтовский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. – М.: НОФМО; ИМЭМО РАН, 2005; Энергетическая безопасность глобализирующегося мира и Россия / Отв. ред. Н.А. Симония. – М.: ИМЭМО РАН, 2008; Кризисные явления в мировой экономике и политике. Мировое развитие. Выпуск 6 / Отв. ред. Ф.Г. Войтовский, А.В. Кузнецов – М.: ИМЭМО РАН, 2010; Проблемы и перспективы урегулирования на Ближнем Востоке / Отв. ред. И.Д. Звягельская. – М.: Институт востоковедения РАН; ЦСПИ, 2010.

⁶ Белокренецкий В.Я. Восток в конце ХХ в.: некоторые итоги развития. Заключение. Восток в начале ХХI в. / История Востока. Т. VI: Восток в новейший период (1945–2000 гг.) / Отв. ред. В.Я. Белокренецкий, В.В. Наумкин. – М.: Институт восто-

В отечественной американистике отдельные аспекты формирования ближневосточной политики США были изучены в работах С.М. Рогова, посвященных анализу влияния произраильского лобби на внешнюю политику США⁷. Особую значимость среди работ российских ученых, посвященных анализу и эволюции проблемы урегулирования арабо-израильского конфликта, имели публикации И.Д. Звягельской, В.А. Исаева, Г.А. Мирского, Е.М. Примакова, Е.Д. Пырлина, Е.Я. Сатановского, А.А. Сотниченко, А.Д. Эпштейна⁸. Изучение их работ позволило автору понять ключевые узлы противоречий, этапы переговорного процесса по мирному урегулированию и степень вовлеченности США в процесс достижения соглашения между сторонами.

Отдельные аспекты политики США по отношению к Ирану освещались в работах А.К. Лукоянова, Г.А. Мирского⁹. Различные аспекты ближневосточного курса США также получили освещение в работах научных сотрудников Института востоковедения РАН

коведения РАН, Восточная литература, 2008. – С. 978–1031; Белокреницкий В.Я. Восток в международных отношениях и мировой политике. – М.: Восточный университет, 2009; Примаков Е.М. Конфиденциальный. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX в. – начало XXI в.). – М.: ИИК «Российская газета», 2006.

⁷ Рогов С.М. Американо-израильский альянс: характер и особенности // США – экономика, политика, идеология. – 1982. – № 1. – С. 34–45; Рогов С.М. Американская еврейская община и Израиль // США – экономика, политика, идеология. – 1978. – № 8. – С. 57–69.

⁸ Государство Израиль / И.Д. Звягельская, Т.А. Карасова, А.В. Федорченко. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005; Звягельская И.Д. Палестино-израильский конфликт: проблемы трансформации / Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. – М.: МГИМО-Университет, 2005. – С. 294–316; Звягельская И.Д. Этно-политические конфликты в современном мире / Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. – М.: МГИМО-Университет, 2005. – С. 12–31; Исаев Г. Ближневосточный конфликт. Эволюция проблемы / Ближний Восток: война и политика / Под. ред. Г.Г. Исаева, А.А. Сотниченко. – М.: Изд. дом Марджани, 2010. – С. 17–77; Мирский Г.И. Израиль и палестинцы: самый длительный конфликт // МЭИМО. – 2001. – № 3 – С. 96–103; №4 – С. 66–74; Мирский Г.И. Ближний Восток и политика США // США ♦ Канада: экономика, политика, культура. – 1998. – № 3. – С. 30–43; Мирский Г. Палестинский узел: ни развязать, ни разрубить // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 4. – С. 225–238; Носенко Т.В. Проблема Иерусалима в ближневосточном урегулировании // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Выпуск 7. – М., 1999. – С. 78–95; Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. – М.: Мысль, 1978; Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. – М.: РОССПЭН, 2002; Сатановский Е.Я. Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001; Опыт прошлого и драмы настоящего: палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии (после саммита в Кемп-Дэвиде и начала «интифады Аль-Акса»). Сборник статей и документов / Под. ред. А.Д. Эпштейна. – Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004; Эпштейн А. После «Дорожной карты» // Россия в глобальной политике. – 2006. – № 3. – С. 181–192.

⁹ Лукоянов А.К. Иран: взгляд без предубеждения // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6. – № 1. – С. 120–131; Мирский Г.И. Иран и США: противостояние на фоне «ядерного кризиса» // МЭИМО. – 2006. – № 7. – С. 3–14.

Р.Д. Даурова, А.З. Егорина и других ведущих российских специалистов по ближневосточной проблематике – Т.А. Карасовой, Г.А. Меламедова, Е.С. Мелкумян, А.Д. Эпштейна¹⁰.

Из широкого круга использованной западной литературы по общим проблемам формирования внешней политики США после «холодной войны» необходимо выделить монографии таких американских авторов, как Дж. Айкенберри, Ч. Капчан, Г. Киссинджер, Д. Литл, У. Мид, Р. Фридман, Р. Хаас, М. Хадсон, Н. Хомски¹¹.

Другая важная группа работ затрагивает сюжеты, связанные с анализом политики США по отношению к исследуемым в диссертации проблемам и странам ближневосточного региона: палестино-израильскому урегулированию, отношениям США с Ираком и Ираном. Особый интерес представляют монографии Ф. Гордона, К. Кацмана, Д. Кемпа, М. О'Салливан, К. Поллака, Б. Рубина, Ш. Телхами, Д. Шапиро¹². Анализ политического курса США после

¹⁰ Дауров Р.Д. Долгая Шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. – М.: Институт востоковедения РАН, 2009; Егорин А.З. Война за мир на Ближнем Востоке. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1995; Каравсова Т.А. Ближневосточное урегулирование и израильское общество // Ближний Восток и современность. – 1999. – № 7. – С. 59–77; Меламедов Г.А., Эпштейн А.Д. Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2008; Мелкумян Е.С. Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество. – М.: Институт востоковедения РАН, 2008.

¹¹ America Unrivaled: The Future of the Balance of Power / G. Ikenberry (ed.). – Ithaca, London: Cornell Univ. Press, 2002; Chomsky N., Achcar G. Perilous Power: The Middle East and U.S. Foreign Policy: Dialogues on Terror, Democracy, War, and Justice. – Boulder: Paradigm Publishers, 2006; Freedman R. American Policy toward Middle East-Mediterranean Security into the Coming Millennium / Mediterranean Security into the Coming Millennium / S.J. Blank (ed.). – Carlisle, PA, 1999. – P. 373–418; Haass R. The Reluctant Sheriff: The United States after the Cold War. – N.Y.: Council on Foreign Relations Press, 1997; Hudson M. To Play the Hegemon: Fifty Years of US Policy toward the Middle East // The Middle East Journal. – 1996. – Vol. 50. – No. 3. – P. 329–343; Kissinger H. Does America Need Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. – N.Y.: Simon & Schuster, 2001; Kupchan Ch. The End of the American Era. – N.Y.: A. Knopf, 2002; Little D. American Orientalism: The United States and the Middle East since 1945. Third Edition. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2008; Transatlantic Tensions: The United States, Europe and Problem Countries / R. Haass (ed.). – Washington, D.C.: Brookings Institution, 1999; Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска / Пер. с англ. А. Георгиева, М. Назаровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2006.

¹² Gordon Ph., Shapiro J. Allies at War: America, Europe, and the Crisis over Iraq. – N.Y.: McGraw-Hill, 2004; Katzman K. U.S.-Iranian Relations: An Analytic Compendium of U.S. Policies, Laws and Regulations. – Washington, D.C.: Atlantic Council of the United States, 1999; Katzman K. Iraq: Iran Sanctions. CRS Report for Congress. December 9, 2009. Congressional Research Service; Kemp G. The Challenge of Iran for U.S. and European Policy / Transatlantic Tensions: The United States, Europe and Problem Countries / R. Haass (ed.). – Washington, D.C., 1999. – P. 48–70; O'Sullivan M. Iraq: Time for a Modified Approach. Brookings Institution Policy Brief No. 71. – Washington D.C.: Brookings Institution, 2001; Pollack K.M. The Persian Puzzle: The Conflict between Iran and America. – N.Y.: Random House, 2004; Rubin B. The United States and the Middle East, 1993 // Middle East Contemporary Survey. – 1993. – Vol. 17. – P. 23–31; Rubin B. The Real Roots of Arab Anti-Americanism // Foreign Affairs. – 2002. – Vol. 81. –

свержения режима Хусейна и рекомендации относительно будущей стратегии в Ираке дан в коллективных монографиях «После войны в Ираке: определяя новый стратегический баланс», «Трансатлантические противоречия: Соединенные Штаты, Европа и проблемные страны» и «Восстановливая баланс: ближневосточная стратегия для нового президента»¹³.

Анализ позиции США по ядерной проблеме Ирана и влияния этой проблемы на формирование курса Вашингтона по отношению к Тегерану подробно представлен в работах таких политологов и экспертов по проблемам ядерного нераспространения, как Э. Кордесман, В. Наср, Д. Перкович, Д. Сиринсионе, Р. Такей и С. Эвертс¹⁴.

Методологическую основу диссертационного исследования составили системный и системно-исторический подходы к изучению мировой политики и международных отношений. Системный подход позволил сочетать различные методы политологического анализа, включая сравнительный и проблемно-хронологический. Заложенный в основу системно-исторического подхода принцип историзма позволил активно использовать в диссертации ретроспективный метод, который применялся прежде всего для выявления причинно-следственных связей в эволюции ближневосточной политики США после «холодной войны». Компаративный метод позволил сравнить стратегии и практические действия Соединенных Штатов Америки в отношении палестино-израильского конфликта, Ирака и Ирана на разных хронологических этапах. Это дало возможность выявить характер динамики приоритетов Вашингтона в регионе, а также изменения подходов к формированию повестки дня и выбору основных

No. 6. – P. 73–85; Telhami Sh. Camp David II: Assumptions and Consequences // Current History. – 2001. – Vol. 100. – P. 10–14 (http://axisofevildoers.com/cache/2001/2001.01.00_1878581620.html); Telhami Sh. The Stakes: America and the Middle East: The Consequences of Power and the Choice for Peace. – Boulder, Colo.: Westview Press, 2002.

¹³ After the War in Iraq. Defining the New Strategic Balance / Sh. Feldman (ed.). – Brighton, 2003; Juster K. Iraq: An American Perspective // Transatlantic Tensions: The United States, Europe and Problem Countries / R. Haass (ed.). – Washington, D.C., 1999. – P. 102–123; Biddle S., O'Hanlon M. Pollack K. The Evolution of Iraq Strategy / Restoring the Balance: A Middle East Strategy for the Next President / R.N. Haass, M. Indyk, S. Biddle et al. – Washington, D.C., 2008. – P. 27–58.

¹⁴ Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction / J. Cirincione, J. Wolfsthal, M. Rajkumar. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002; Cordesman A.H. Iran and Nuclear Weapons. Background Paper for the Senate Foreign Relations Committee, March 24, 2000. Center for Strategic and International Security (<http://csis.org/publication/iran-and-nuclear-weapons>); Everts S. Iran: The Next Big Crisis. Prospect. Special Report. December 2003 (www.cer.org.uk/pdf/everts_prospect_dec03.pdf); Kemp G. Iran's Nuclear Weapons Posture. Issues and Analysis. – Washington, D.C.: Nixon Center, 2001; Nasr V., Takeyh R. The Costs of Containing Iran: Washington's Misguided New Middle East Policy // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87. – P. 85–94; Perkovich G. Dealing with Iran's Nuclear Challenge. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2003.

проблем и узлов противоречий, привлекавших внимание Вашингтона на разных этапах. Сопоставление политической практики с заявленными приоритетами администраций У. Клинтона и Дж. Буша-мл. в регионе дало возможность определить как постоянные стратегические интересы США в регионе, так и временные изменения американского политического целеполагания, продиктованные различными внутренними и внешними факторами. Применение ретроспективного и сравнительного методов в совокупности дает возможность сопоставить используемые администрациями У. Клинтона и Дж. Буша-мл. организационно-политические механизмы решения проблем Ближнего Востока, что, в свою очередь, позволяет проследить эволюцию внешнеполитического курса обоих президентов.

Важную роль для выработки исследовательской позиции по отношению к изучаемым проблемам сыграли теоретические обобщения в политологических работах, среди которых нужно назвать труды Э.Я. Баталова, А.Д. Богатурова, Н.А. Косолапова, В.А. Кременюка, С.М. Рогова, М.А. Хрусталева, А.И. Шумилина, а также Д. Айкенберри, Ф. Закарии, Ш. Телхами, Р. Хаасса.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования ряда его положений при анализе и прогнозировании развития политических процессов в США и в регионе Ближнего Востока, а также при выработке внешнеполитических позиций России применительно к проблемам региона. Работа также может быть использована при разработке учебных курсов, посвященных политическим проблемам международных отношений и глобального развития, международно-политической ситуации на Ближнем Востоке, внешней политике США, а также новейшей истории США.

Апробация исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании Центра анализа ближневосточных конфликтов ИСКРАН. Основные положения диссертации были представлены на ряде научных конференций и семинаров, проводившихся ИСКРАН, ИМЭМО РАН, Московским Центром Карнеги, Российской ассоциацией политической науки, а также на Всемирном Российском Форуме в Вашингтоне в апреле 2004 г. Отдельные тезисы диссертации обсуждались в рамках семинарских занятий и лекционных курсов по современной истории США на факультете мировой политики Государственного университета гуманитарных наук в 2001–2006 гг. По теме исследования опубликованы пять научных статей, в том числе три статьи в научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для публикации результатов диссертационных работ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы. Исследование включает в себя вступление, четыре главы, заключение и список литературы и источников.

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, отражена степень ее разработанности в научной литературе, выявлены объект и предмет исследования, сформулированы цели и задачи исследования, обоснована научная новизна и практическая значимость, описаны методологическая и источниковая базы работы, приведены основные положения, выносимые на рассмотрение Диссертационного совета.

В **первой главе «Ближневосточный фактор в эволюции внешней политики США во второй половине XX века – начале XXI века»** дан анализ перемен, произошедших в системе международных отношений после окончания «холодной войны» и приведших к пересмотру Вашингтоном целей и задач ближневосточной политики. Для определения ключевых изменений политики США в регионе после «холодной войны» и его места в современных стратегиях Соединенных Штатов в **первом параграфе «Ближний Восток как объект американской политики в период “холодной войны”»** приводится краткий исторический экскурс, посвященный богатому политическому опыту деятельности США в регионе. Данный анализ позволяет выявить ключевые факторы, сформировавшиеся еще в эпоху «холодной войны» и определявшие политику США на Ближнем Востоке в тот период. В параграфе обосновывается вывод о том, что применительно к некоторым из этих факторов наблюдалась выраженная преемственность и инерционность. Одним из значимых факторов в ближневосточной политике США было стремление обеспечить доступ к нефтяным ресурсам региона. Другой такой фактор – позиция Соединенных Штатов по отношению к государству Израиль, а также вопрос о судьбе Палестины. Вашингтон уже в 1950-х годах рассматривал Израиль как возможный инструмент влияния в регионе Ближнего Востока, а себя – в качестве гаранта безопасности этого государства. Политическая и экономическая стабильность Израиля оценивалась как одна из основ стратегии безопасности США в регионе. Напряженность между ближневосточными государствами, вылившаяся в войну 1967 г., была обусловлена внутрирегиональными и внутристрановыми факторами, нейтрализовать которые самостоятельно США были не в состоянии. Более того, война оказала влияние на весь последующий мирный процесс на Ближнем Востоке, вывела палестинскую проблему на качественно новый уровень, превратив ее из проблемы беженцев в проблему реали-

зации национальных прав палестинского народа¹⁵. Именно поэтому палестино-израильский конфликт, принявший острые формы, начал оказывать решающее воздействие на формирование ближневосточной политики США и превратился в одну из главных проблем внешней политики США вообще.

Иранская революция 1979 г., в основе которой лежали глубокие социально-экономические и политические противоречия, завершилась падением проамериканского режима шаха Мохаммада Реза Пехлеви. В американо-иранских отношениях наступил период глубокого затяжного кризиса. Вашингтон стремился максимально ослабить Иран, а также увеличить свое военное присутствие в регионе.

В 1990-е годы в политике США по отношению к Ближнему Востоку возникли новые аспекты. Вторжение Ирака в Кувейт стало вызовом для США. После начала иракской агрессии против Кувейта в 1990 г. Соединенные Штаты призвали мировое сообщество осудить Багдад. На протяжении 1990-х годов Вашингтон продвигал на иракском направлении свою повестку дня, комбинируя проблемы экономики и безопасности.

Во втором параграфе «Концептуализация ближневосточной политики США в постбиполярном мире: 1993–2001 годы» проведен анализ официальных концепций США, определявших политику Вашингтона по отношению к странам изучаемого региона. Администрация У. Клинтона распространила на ближневосточный регион ряд принципов концепции «расширения демократии», сформулированной как идеологическая основа новой глобальной стратегии США. В 1994 г. данная концепция была положена в основу официального установочного документа американской внешней политики – «Стратегии национальной безопасности посредством вовлечения и расширения» (*The National Security Strategy of Engagement and Enlargement*). Предполагалось, что преобразование государств по модели, основанной на принципах политической демократии западного типа и рыночной экономики, может быть осуществлено во всех регионах мира. Предполагалось также, что демократические режимы более стабильны, что, в свою очередь, снижает вероятность возникновения угроз безопасности США. Принцип «расширения демократии» был вскоре дополнен концепцией либерального интервенционизма, которая допускала военно-силовой тип поведения в отношении государств, правящие режимы которых не отвечали американским стандартам демократии и создавали угрозу региональной стабильности. Распространять демократию в стабильных государствах, чьи режимы

¹⁵ Дауров Р.Д. Долгая Шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. – М.: Институт востоковедения РАН, 2009. – С. 7–8.

были более лояльны, планировалось через сотрудничество и вовлечение этих государств в совместные действия с США.

В последующие годы, вплоть до 2000 г., в подготавливаемых Белым домом документах, описывающих «стратегию» администрации по отношению к региону Ближнего Востока, ключевые формулировки повторялись при некотором изменении фразеологии. Более того, в «Стратегии национальной безопасности», опубликованной в декабре 2000 г., вновь провозглашалась приверженность США принципу «вовлечения», впервые озвученному в 1995 году¹⁶. В новом документе отмечалась заинтересованность США в достижении справедливого, прочного и всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке, обеспечении безопасности и благополучия Израиля, поддержке дружественных арабских режимов и их безопасности, а также обеспечении свободного доступа к нефтяным ресурсам региона.

Основными составляющими политики США в отношении Ирака были названы: поддержание режима экономических санкций для предотвращения возможности угроз, исходящих со стороны Саддама Хусейна для стабильности в жизненно важном регионе Персидского залива, а также оказание гуманитарной помощи иракскому народу посредством программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие». Однако уже к концу президентства У. Клинтона в ответ на провокации со стороны С. Хусейна США начали постепенно уходить от практики введения и поддержания экономических санкций и стали все больше склоняться к практике проведения военных операций, как совместно с союзниками, так и в одностороннем порядке.

Что касается иранского направления, то как в «Стратегии национальной безопасности», так и в выступлениях официальных лиц США¹⁷ указывалось, что Вашингтон готов и заинтересован в нормализации двусторонних отношений с Тегераном, основанных на взаимном уважении и доверии. В то же время критику США по-прежнему вызывали развитие ядерной и ракетной программ Ирана, а также поддержка террористических группировок, деятельность которых препятствовала достижению палестино-израильского урегулирования и создавала потенциальные проблемы для транспортировки нефти в регионе.

В третьем параграфе *«Значение Ближнего Востока в идеологии американского “Возрождения”: 2001–2008 годы»* отмечается, что в период президентства Дж. Буша-мл. происходит нарастание импер-

¹⁶ A National Security Strategy for a Global Age. The White House. December 2000.

¹⁷ См., например: Albright M. Secretary of State Madeleine Albright Speech to the Asia Society. June 17, 1998 / Katzman K. U.S.-Iranian Relations: An Analytic Compendium of U.S. Policies, Laws and Regulations. Occasional Paper. The Atlantic Council of the United States. – Washington, D.C., 1999. – P. 16–22.

ских амбиций и пересмотр приоритетов американской внешней политики. Большинство американских и российских исследователей согласны с тем, что усиление унилатерализма США непосредственно связано с террористическими актами 11 сентября 2001 года. «Доктрина Буша», основные положения которой были изложены в 2002 г. в таких документах, как «Доклад о положении в стране» и «Стратегия национальной безопасности»¹⁸, стала в данном случае выражением и закреплением права США на проведение односторонних действий. Администрация Буша-мл. придавала значение вопросам демократизации в арабских странах, полагая, что этот процесс будет способствовать снижению уровня террористических угроз. Задача эта напрямую увязывалась с обеспечением стабильности региона. Распространение базовых демократических ценностей и утверждение соответствующих институтов в регионе должно было привести к снижению исходящих из региона угроз национальной безопасности Соединенных Штатов. Кроме того, демократизация стран региона для администрации Буша-мл. выглядела не только как аспект обеспечения безопасности, но и как исторический шанс вывести американское влияние в регионе на новый уровень.

Борьба с терроризмом при Дж. Буше-мл. базировалась на принципе односторонности. Одним из ключевых элементов этой борьбы стала демократизация, прежде всего, Ближнего Востока, откуда исходила террористическая угроза Соединенным Штатам. Таким образом, идея администрации Клинтона о том, что расширение сообщества рыночных демократий приведет к региональной стабилизации, сохранила актуальность и для администрации Дж. Буша-мл. и ее политики на Ближнем Востоке.

Во второй главе *«США и палестино-израильское урегулирование»* рассматриваются основные этапы и методы решения ближневосточного конфликта. При анализе процесса мирного урегулирования можно не без оснований констатировать доминирующую роль США, которые выступают одновременно главным инициатором, катализатором и гарантом переговорного процесса. В первом параграфе *«Инициативы администрации У. Клинтона по решению палестино-израильского конфликта»* отмечается, что Соединенные Штаты Америки всегда пытались выдержать баланс между поддержкой Израиля и сохранением ровных отношений с нефтедобывающими арабскими государствами, поскольку это позволяло обеспечивать беспроблемные поставки нефти из региона. Дополнительным фактором,

¹⁸ Bush G.W. Three Great Goals for America. State of the Union Address. – January 29, 2002; The National Security Strategy of the United States of America. – Washington, D.C., September 2002.

определяющим политику США по отношению к Израилю, является позиция представителей Пентагона, которые заинтересованы в сохранении за Израилем особых военно-политических функций в регионе Ближнего Востока. По мере развития переговорного процесса в период с 1993 по 1995 г. США взяли на себя роль лидера, обеспечивающего работу многосторонних рабочих групп, в которых принимали участие представители как Израиля, так и арабских стран.

В результате усилий американской дипломатии в 1993 г. стало возможным подписание соглашения, известного как «Декларация о принципах», или «Осло-1», а в 1998 г. – соглашения «Уай-Ривер». Однако несмотря на достигнутые договоренности дальнейшее продвижение палестино-израильского мирного процесса было затруднено из-за взаимного недоверия палестинцев и израильтян. Заверения со стороны Государственного департамента США о проведении соответствующего мониторинга за действиями палестинцев не убедили израильское правительство.

Во втором параграфе *«Интифада Аль-Акса. Приостановка процесса мирного урегулирования»* отмечается, что вопреки прилагаемым США усилиям в рамках переговоров в Кемп-Дэвиде кризис вышел на новый виток. В сентябре 2000 г. Иерусалим охватила волна насилия, поводом для начала которой послужил визит А. Шарона на Храмовую гору, где находится священная для мусульман мечеть Аль-Акса. В немалой степени благодаря давлению и усилиям американской дипломатии 16 октября 2000 г. в Шарм-эль-Шейхе все же открылся очередной саммит по ближневосточному урегулированию. Несмотря на затраченные дипломатические усилия администрации США и личное участие президента У. Клинтона мирный процесс фактически стагнировал. Наиболее взвешенным представляется объяснение причин неудач многих дипломатических инициатив США в продвижении процесса мирного урегулирования на Ближнем Востоке в период президентства У. Клинтона, предложенное А. Эпштейном¹⁹. Как отмечает исследователь, одной из проблем было отсутствие готовности участников конфликта воплотить достигнутые на начальной стадии переговоров соглашения в политической практике.

В третьем параграфе *«Роль США в рамках “ближневосточного квартета”»* освещаются принципы политики администрации Дж. Буша-мл. по урегулированию конфликта. Принципиально важ-

¹⁹ Эпштейн А. Опыт прошлого и драмы настоящего. Политическая психология палестино-израильских переговоров об окончательном урегулировании конфликта / Опыт прошлого и драмы настоящего: палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии (после саммита в Кемп-Дэвиде и начала «интифады Аль-Акса»). Сборник статей и документов / Под ред. А.Д. Эпштейна – Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – С. 3–10.

ным, на наш взгляд, аспектом политики Дж. Буша-мл. по данному вопросу стал отказ от политики «личной вовлеченности» в мирный процесс, которая в большей степени была характерна для У. Клинтона, и стремление участвовать в урегулировании в рамках международной группы коспонсоров. В то же время США начали продвигать идею проведения коренных политических преобразований на Ближнем Востоке, в том числе и в зоне палестино-израильского конфликта. Реализацию принципа «расширения демократии», который был нацелен на проведение масштабных реформ, Дж. Буш-мл. начал проводить именно в Палестине, а не в Ираке. Так, в июне 2002 г. президент США провозгласил проведение политических и конституционных реформ условием американской поддержки палестинского государства. Также администрация Буша-мл. значительно активизировала свои усилия в борьбе с палестинским терроризмом. Под влиянием Интифады Аль-Акса в Вашингтоне отказались от политики, которой США придерживались со времен достижения договоренностей в Осло – политики поддержки сильных палестинских лидеров, с которыми можно было бы вести переговоры и которые были бы в состоянии выполнять взятые на себя обязательства.

Стимулом для возобновления усилий по урегулированию палестино-израильского конфликта стали, в частности, теракты 11 сентября 2001 г. Для урегулирования кризиса понадобились объединенные скоординированные усилия США, ЕС, России и ООН. Официально «ближневосточный квартет» коспонсоров был создан в 2002 г. в Мадриде. К концу мая 2003 г. «Дорожная карта» была принята как правительством Израиля, так и руководством Палестинской автономии. Однако выполнение одного из требований «Дорожной карты», а именно проведение «открытых и честных выборов» в 2006 г., дало прямо противоположный ожидавшемуся эффект. В частности, в результате выборов к власти в Палестинской национальной администрации (ПНА) пришли представители экстремистского исламского движения ХАМАС, которое изначально не признавало даже самого права государства Израиль на существование.

В 2007 г. администрация Дж. Буша-мл. начала предпринимать последовательные дипломатические шаги на высоком уровне, направленные на подготовку международной конференции по палестино-израильскому урегулированию в Аннаполисе. Тем не менее, в 2008 г. после полугодового перемирия между Израилем и движением ХАМАС обстрелы территории Израиля возобновились, после чего правительство Израиля приняло решение о начале военной операции. 27 декабря 2008 г. Израиль начал операцию «Литой свинец». Армия обороны Израиля осуществляла интенсивные бомбардировки

и артобстрелы объектов ХАМАС в Ливане и на территории сектора Газа. После операции «Литой свинец» переговорный процесс между палестинцами и израильтянами фактически прекратился.

В третьей главе *«Политика США в отношении Ирака: от сдерживания к смене режима»* анализируется эволюция методов политики США по отношению к Ираку. На протяжении 12 лет (1991–2003 гг.) главной проблемой администраций У. Клинтона и Дж. Буша-мл. в отношении Ирака было пребывание в состоянии балансирования между сценариями военного сдерживания режима С. Хусейна и его свержения. Выбор того или иного сценария определялся главным образом политико-стратегической ситуацией в регионе. В 1998 г. У. Клинтон вплотную подошел к возможности реализации сценария смены режима в Ираке, но обстановка в регионе разрядилась и острая необходимость в этом отпала. Более того, операция по свержению С. Хусейна могла бы сорвать палестиноизраильские переговоры.

Тerrorистические акты 11 сентября 2001 г. и успех операции в Афганистане на ее начальной стадии означали серьезное изменение ситуации как в регионе Ближнего Востока, так и в США. Это открыло окно возможностей для администрации Дж. Буша-мл., которая свергла режим С. Хусейна в 2003 г. Однако проблемы послевоенного Ирака показали, что для стабилизации и восстановления этого государства Соединенным Штатам Америки и их союзникам понадобилось значительно больше времени, военных и финансовых ресурсов, равно как и координации усилий всех стран, заинтересованных в стабилизации региона.

Первый параграф *«Американо-иракские отношения в 1991–2003 годах: балансирование на грани военной конфронтации»* посвящен проблемам американо-иракской политики вплоть до вторжения США в Ирак в 2003 г. Администрация У. Клинтона во многом унаследовала от Дж. Буша-ст. проблему режима С. Хусейна, а также основные подходы к ее решению. Ключевым средством давления на Ирак оставались экономические санкции СБ ООН. Гарантию их исполнения взяли на себя США. В 1993 г. в Вашингтоне приобрела влияние идея о необходимости ограничения односторонних военных действий за рубежом. Весной 1994 г. президент У. Клинтон подписал директиву № 25, в которой перечислялись жесткие условия для применения ВС США за пределами государства.

Для Багдада это означало уменьшение угрозы смены режима силовым путем, что способствовало снижению напряженности вокруг Ирака, его большей готовности сотрудничать со Специальной комиссией ООН (ЮНИСКОМ) и МАГАТЭ. В действительности такая угроза

сохранялась, поскольку Соединенные Штаты оставили за собой право начинать «справедливую войну», что позже показали военные действия в Косово в 1999 г., да и события в самом Ираке в конце 1990-х годов.

Одним из ослаблений режима санкций, допущенных во избежание гуманитарной катастрофы, стала программа «Нефть в обмен на продовольствие», принятая в апреле 1995 г. СБ ООН (резолюция № 986) и согласованная с Багдадом 20 мая 1996 года. СБ ООН был готов к ослаблению санкций, однако этому помешало нежелание Багдада наладить полное сотрудничество с международными организациями, проявившееся в отказе допускать инспекторов ЮНИСКОМ и МАГАТЭ на объекты, вызывавшие подозрения, и в предоставлении им недостоверных данных о программах ОМУ. В 1998 г. произошло очередное обострение ситуации: в ответ на заявление инспекторов о невозможности проверить информацию о программе по производству биологического оружия Ирак в августе 1998 г. объявил о прекращении сотрудничества с ООН. Это привело к обоснованию в США необходимости военного удара по Ираку в рамках американо-британской операции, получившей название «Лис пустыни».

Эта операция продемонстрировала несколько особенностей политики администрации У. Клинтона. Во-первых, целью этой политики были не столько иракские программы ОМУ, сколько необходимость ослабления режима С. Хусейна, который отказывался от сотрудничества с международной комиссией ООН. Во-вторых, она стала первым примером использования американской концепции «коалиции желающих» (*Coalition of the Willing*) для достижения военно-политических целей (совместно с Великобританией).

В-третьих, эта операция и дальнейшие действия Соединенных Штатов стали свидетельством перехода от идеи «сдерживания» посредством исключительно мирных методов к использованию политических и военных мер, позволявших США брать инициативу в свои руки и определять «повестку дня» самостоятельно.

Во втором параграфе «*Военный выбор администрации Дж. Буша-младшего*» объясняются причины перехода США к применению силовых методов по отношению к Ираку.

Теракты 11 сентября 2001 г. достаточно резко изменили подход и методы взаимодействия США с иракским режимом и стали катализатором для переформулирования всей внешнеполитической доктрины администрации Дж. Буша-мл. Уже в ходе проводимого в США расследования терактов режим С. Хусейна неоднократно упоминался в качестве стороны, которая, возможно, предоставила финансовые и иные ресурсы для проведения атак на здания Всемирно-

го торгового центра и Пентагона. Уже тогда республиканская администрация США, в том числе в связи с предполагаемым «иракским следом», стала выдвигать проекты, направленные на свержение С. Хусейна любыми способами вплоть до военной операции с применением всех необходимых средств.

С развертыванием «войны против международного терроризма» администрация Дж. Буша-мл. перешла от требований дальнейшего ужесточения коллективных экономических санкций против Ирака к выработке силового варианта решения «иракской проблемы».

Выступая перед Конгрессом 29 января 2002 г., Дж. Буш-мл. ввел новый термин американской внешнеполитической риторики – «ось зла», к которой причислил Ирак.

Задача свержения режима С. Хусейна оформилась в американском обществе как общенациональный консенсус, как логическое завершение операции «Буря в пустыне». Затяжные диспуты в СБ ООН на фоне усилий Белого дома доказать срочную необходимость военных действий против Ирака вызвали рост неприязни к ООН в общественном мнении США.

Решение задачи ликвидации режима в Багдаде облегчалось ослаблением военной мощи Ирака в результате действия санкций и наличием внушительной международно-правовой базы в виде резолюций ООН, на невыполнение которых постоянно ссылался Вашингтон.

В связи с тем, что военные действия были спланированы заранее и проведена тщательная подготовка, военная операция «Шок и трепет» успешно завершилась в короткие сроки. Наземная операция началась с массированных бомбардировок сотен военных объектов на территории Ирака. За исключением отдельных случаев, вооруженные силы Ирака не оказали ожидавшегося сопротивления. Уже 30 апреля 2003 г. президент Дж. Буш-мл. объявил о завершении войны между силами коалиции и иракскими вооруженными силами.

Большинство зарубежных и российских экспертов признают, что цена, которую администрация Дж. Буша-мл. заплатила за проведение иракской кампании, оказалась значительно выше, чем предполагалось. Эти вопросы анализируются в **третьем параграфе «Политика США в послевоенном Ираке: проблемы и решения»**.

В диссертации показано, что Дж. Буш-мл. стал заложником своей политики и сложившейся исторической ситуации в целом, которая развивалась не только в соответствии со сценарием, предполагаемым американской администрацией. Если до начала войны в Ираке действия президента были популярны и находили поддержку и понимание со стороны, как минимум, 60% населения, то затя-

нувшиеся военные действия и гибель американских солдат вызвали негативную реакцию.

Ситуация усугубилась и тем, что 2004 год был предвыборным, поэтому президенту нужно было предпринимать действия с учетом их влияния на его политический имидж. Однако еще одна «победоносная война» обернулась для администрации Дж. Буша-мл. серьезными проблемами.

Растущие потери сил коалиции, связанные с активизацией антиоккупационных сил среди основных этнических и религиозных общин Ирака (исключая курдскую), стали одной из «системных» проблем иракского урегулирования. Другой проблемой стало растущее увеличение расходов коалиции на поддержание порядка в Ираке, восстановление страны, а также формирование национальных органов управления.

Легитимность военной операции в отношении Ирака и дальнейшего присутствия на иракской территории войск коалиции подрывал также тот факт, что до середины 2004 г. так и не удалось обнаружить убедительных доказательств наличия в Ираке ОМУ или программ по его производству. Как метко охарактеризовал эту ситуацию бывший глава Комиссии по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК) Х. Бликс, следовало говорить об «оружии массового исчезновения»²⁰.

К концу 2006 г. Ирак уже не являлся жизнеспособным государством. Миссия ООН в Ираке оценивала ситуацию в стране как «гуманитарный кризис»²¹.

Особую остроту в сложившейся ситуации приобрел энергетический фактор, занимающий существенное место в ближневосточной политике США. На первых этапах реализации стратегии Вашингтона в отношении Ирака (2003–2006 гг.) фактор нефти, понимаемый как стремление США контролировать нефтедобычу в Ираке и через нее оказывать воздействие на ценообразование на мировом рынке, не являлся доминирующим и определяющим. На более позднем этапе – в 2007 г., когда в Вашингтоне начали рассматриваться варианты вывода войск из страны, – этот фактор стал основополагающим в стратегии и тактике действий США в Ираке.

Подводя итоги политики администрации Дж. Буша-мл. в отношении Ирака, нужно отметить, что ни в Багдаде, ни в Вашингтоне не было четкого плана восстановления страны после войны 2003 г. Благодаря вводу дополнительного американского контингента в

²⁰ Blix H. Disarming Iraq. The Search for Weapons of Mass Destruction. – London: Bloomsbury, 2005.

²¹ UN Assistance Mission for Iraq, Human Rights Report. 1 April – 30 June 2007 (<http://www.uniraq.org/FileLib/misc/HR%20Report%20Apr%20Jun%202007%20EN.pdf>).

2007 г. удалось снизить уровень насилия. Однако взгляды различных политических деятелей и группировок Ирака на ситуацию в стране зачастую несовместимы. Тактика Вашингтона также претерпевала изменения, но для получения ощутимых результатов политики требуется значительно больше времени, а также финансовых и военных ресурсов.

Четвертая глава «Иран как объект американской политики сдерживания» состоит из четырех параграфов.

Первый параграф главы – «Особенности формирования политики администрации У. Клинтона в отношении Ирана». Рассматривая Иран как одного из своих главных оппонентов на Ближнем Востоке, препятствующего урегулированию палестино-израильского конфликта и составляющего угрозу Израилю и проамериканским режимам арабских государств Персидского залива, президент У. Клинтон рассчитывал минимизировать влияние иранского фактора на политику в регионе посредством оказания сильного политического и экономического давления на Тегеран.

15 мая 1993 г. директор Совета по национальной безопасности по Ближнему Востоку и Южной Азии М. Индик озвучил концепцию администрации США по «двойному сдерживанию», которая была направлена на параллельную экономическую и военную изоляцию Ирана и Ирака, чтобы ни одно из этих государств не могло добиться доминирующего положения в регионе²².

Одним из главных инструментов сдерживания Ирана стал американский Закон о санкциях против Ирана и Ливии 1996 г. (*Iran-Libya Sanctions Act, ILSA*)²³. Законопроект предполагал запрет торговли с Ираном и сокращение ежегодных расходов дочерних американских компаний на приобретение иранской нефти для продажи в третьи страны до суммы в 3,5–4 млрд. долларов.

Следует отметить, что, хотя Закон о санкциях против Ирана и Ливии предполагался администрацией США как метод решения проблем безопасности, связанных прежде всего с терроризмом, его наиболее значимые последствия проявились в области экономики. Поскольку закон ограничивал деятельность не только американских, но и европейских компаний, официальные представители Франции, Германии и Великобритании назвали практику введения санкций неверным подходом и объявили о своем намерении продолжать диа-

²² Indyk M. The Clinton Administration's Approach to the Middle East. May 15, 1993 / Katzman K. U.S.-Iranian Relations: An Analytic Compendium of U.S. Policies, Laws and Regulations. Occasional Paper. The Atlantic Council of the United States. – Washington, D.C., 1999. – Р. 8–14.

²³ Ограничения на экспорт США в Иран были введены еще раньше – с 1984 г., а большая часть импорта товаров из Ирана была запрещена в конце 1987 года.

лог с иранским режимом, что привело к определенному снижению эффективности принятых США мер.

Во втором параграфе «Дипломатическая “оттепель” 1997–2001 годов» проанализированы причины и перспективы краткосрочного улучшения отношений между США и Ираном.

В середине 1997 г. в результате прихода к власти в Тегеране Мухаммада Хатами, стоявшего на относительно либеральных позициях, наметились перспективы возможного сближения США и Ирана. Американская администрация выдвинула ряд условий, при выполнении которых появлялась возможность возобновления диалога: 1) ИРИ должна была немедленно и решительно покончить с поддержкой международного терроризма и осудить его; 2) Иран не должен был мешать процессу мирного урегулирования палестино-израильского конфликта; 3) Тегеран должен был отказаться от усилий по созданию оружия массового уничтожения, и прежде всего ядерного.

Предложение было сделано американской стороной под влиянием нескольких факторов. Во-первых, пришедший к власти в 1997 г. президент М. Хатами был значительно менее консервативен, чем его предшественник. Во-вторых, влияние на позицию США оказала позиция арабских стран, призвавших Америку к нормализации отношений с Ираном. Их мнение было озвучено на форуме Организации Исламская конференция (ОИК), который прошел в Тегеране в декабре 1997 г. В-третьих, Вашингтон был вынужден изменить свою позицию под давлением американских компаний, поскольку в результате режима санкций огромные потери финансового и материального порядка нес не только Иран, но и США. Последние теряли около 15–19 млрд. долл. ежегодно.

В июне 1998 г. Соединенные Штаты протянули иранскому правительству «оливковую ветвь» мира. В обращении к негосударственной международной организации – Обществу «Азия» (*Asia Society*) – государственный секретарь США Мадлен Олбрайт призвала Иран отказаться от сотрудничества с террористами и доказательно подтвердить, что страна не разрабатывает оружие массового уничтожения.

Обращение М. Олбрайт стало исключительно важным шагом американской администрации, так как Ирану была предложена возможность разработать план окончательной нормализации отношений и впервые со времен администрации Дж. Буша-ст. начать диалог на официальном уровне. Иранская сторона поддержала инициативу США, однако, как заявил президент М. Хатами в обращении к Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 1998 г., санкции США, в результате которых были заморожены иранские вклады, а также попытки США помешать строительству международного газопровода

из Центральной Азии в Турцию через Иран, препятствуют проведению переговоров на правительственном уровне.

Таким образом, несмотря на дипломатический диалог и тенденции к сближению между двумя государствами, дальше риторики дело не шло.

Не способствовали полному размораживанию отношений и военные разработки Ирана, прежде всего в ракетной области. Так, в июле 1998 г. им были проведены очередные испытания баллистической ракеты средней дальности «Шехаб III», способной достичь территории Израиля и Саудовской Аравии, где расположены американские военные базы. В 1999 г. высокопоставленные чиновники США заявили, что, по данным американских разведслужб, Иран увеличил помочь, оказываемую террористическим группам, противодействующим урегулированию палестино-израильского конфликта.

В марте 2000 г. в американо-иранских отношениях произошли некоторые положительные изменения после абсолютной победы сторонников президента М. Хатами на парламентских выборах. США объявили об ослаблении торговых санкций в отношении Ирана, планировалось ускорение принятия решений по правовым и финансовым претензиям между двумя странами и развитие культурного диалога. Иранская сторона одобрила данную инициативу, но таких предпринятых ею шагов было недостаточно для начала официальных переговоров с Вашингтоном.

Уже в июне 2001 г., несмотря на возражения представителей истеблишмента США, Комитет по международным отношениям Палаты представителей США (*US House of Representatives Committee on International Relations*) одобрил продление действия ILSA на пять лет.

В период американо-иранских отношений в 1993–2001 гг. стало ясно, что озабоченность Соединенных Штатов в отношении Ирана далеко не ограничена вопросами стабильных поставок нефти из зоны Персидского залива. В стратегию Вашингтона по отношению к Ирану входило также «достижение примирения между Израилем, Ираном и Ираком, а также между ними и арабскими странами». Подобная стратегия требовала кардинальной смены иранской политики по отношению к общей динамике ближневосточного мирного процесса. Однако такой смены не произошло. Более того, в Вашингтоне существовала серьезная обеспокоенность в связи с контактами между Ираном и террористическими и радикальными организациями и военными программами в Иране, а также программой ядерных исследований, развитие которой позволяло Ирану наращивать потенциал для создания в будущем ядерного оружия.

В третьем параграфе «Американо-иранские отношения после 2001 года: ужесточение позиций сторон» проанализированы причины отказа от попыток сближения с Ираном и дальнейшего ужесточения политики США по отношению к ИРИ.

После террористических актов 11 сентября 2001 г. главной особенностью политики США стала линия на противодействие угрозам всеми средствами, включая военные. В свете этих изменений внешней политики проблема Ирана приобрела еще большую остроту. Многие влиятельные политики США в то время считали, что международные террористические сети получают поддержку со стороны государств, враждебных США и Западу в целом, что нашло отражение в «Стратегии национальной безопасности» 2002 г. К тому времени Иран имел богатый опыт покровительства террористическим организациям, в частности движению «Хезболла», деятельность которого была направлена против прозападно ориентированных арабских правительств и Израиля.

В 2002 г. в докладе Конгрессу США о положении в стране (*State of the Union Address*) Дж. Буш-мл. назвал Иран, Ирак и Северную Корею странами, разрабатывающими оружие массового уничтожения и способствующими распространению терроризма, причислив их к «оси зла». После успешной антитеррористической операции в Афганистане и свержения режима С. Хусейна в Ираке одной из главных тем в международной повестке дня стал Иран.

К 2004 г. традиционная американская политика «сдерживания Ирана» постепенно стала уступать место политике «ограниченного вмешательства». Предпосылками для смены политических акцентов США стали и успехи военных операций США в Афганистане и Ираке, и майский теракт в Эр-Рияде в 2003 г. против саудовцев и американцев, который, по мнению спецслужб США, был организован сторонниками «Аль-Каиды», базирующимися в Иране.

Однако смена власти в Тегеране – приход к власти в Иране в 2005 г. Махмуда Ахмадинежада – создала наибольшую проблему для перспектив американо-иранских отношений. Новый президент Ирана взял курс на ужесточение подходов Тегерана ко всем пунктам разногласий с США, в частности, по вопросам о ядерной программе, судьбе государства Израиль, оказании помощи «Хезболле» и ХАМАС и т.д. Следствием этого стал очередной поворот в политике США и возвращение к традиционному «сдерживанию».

Администрация Буша-мл. была абсолютно убеждена, что Иран не может быть конструктивным участником политического процесса на Ближнем Востоке и повлиять на его политику дипломатическими методами невозможно. Именно поэтому администрация США рассчиты-

вала, что возобновление в 2007 г. переговоров по арабо-израильскому мирному урегулированию объединит правительства арабских стран под эгидой США и создаст базу для организации арабо-израильского фронта против Ирана. Предполагалось также, что, опасаясь хаоса в Ираке и усиления там влияния Ирана, суннитские арабские страны объединят усилия, чтобы помочь восстановлению в Ираке функционирующего государства. Прогнозировалось, что баланс сил на Ближнем Востоке будет определяться не палестинской проблемой, а судьбой проблемных государств – Афганистана, Ирака и Ливана, где есть благодатная почва для расширения иранского влияния. Однако попытка сдержать Иран путем создания американо-арабо-израильского альянса могла бы повергнуть Афганистан, Ирак и Ливан в пучину еще большего хаоса, разжечь исламский радикализм и обречь США на длительное и дорогостоящее присутствие на Ближнем Востоке.

Придерживаясь политики «сдерживания» Ирана, США активно призывали международное сообщество занять более жесткую позицию по вопросу о введении санкций в ответ на непреклонность М. Ахмадинежада в ядерном вопросе и в отношении Израиля. Следствием этого противостояния стал рост напряженности в отношениях между Ираном и США (и шире – между Ираном и Западом), а также увеличение турбулентности в регионе в целом при том, что к концу пребывания Дж. Буша-мл. в Белом доме ни иракская, ни палестино-израильская проблемы не были решены. В то же время вероятность того, что инициативы США по налаживанию дипломатического и экономического диалога с ИРИ были бы оценены и приняты режимом М. Ахмадинежада, была невелика.

Одним из факторов, вызывающих озабоченность в США, была ядерная программа Ирана, анализу которой посвящен *четвертый параграф «Ядерная проблема Ирана как фактор ближневосточной политики США»*.

Актуализация иранского вопроса на международной повестке дня была в немалой степени вызвана активизацией ядерной программы Ирана, а также глобальным кризисом режима ядерного нераспространения. Указывая на пример этих стран, Иран не раз высказывал недовольство двойными стандартами, применяемыми США к режиму нераспространения, поскольку близкие партнеры Соединенных Штатов – Индия и Пакистан, а также Израиль – остаются вне режима ядерного нераспространения и при этом не испытывают такого же давления, которому подвергается Иран.

Официальный Тегеран отрицает стремление к созданию собственного ядерного оружия. Однако можно предположить, что давление администрации Дж. Буша-мл. на Иран, участь режима

С. Хусейна в Ираке, а также развитие стратегического потенциала в соседних Индии и Пакистане, – все это могло бы стать стимулом для начала тайной деятельности Ирана по созданию ядерного оружия. Тем более, что развитие ядерной энергетики Ирана было превращено в важнейшую общенациональную задачу страны.

Официальные власти Ирана не раз заявляли, что они в принципе готовы к подписанию Дополнительного протокола 1997 г. МАГАТЭ при условии снятия экономических санкций, которые не позволяют ИРИ получать новые ядерные технологии из стран – участниц Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)²⁴. Именно этого потребовали от Ирана страны «Большой восьмерки» в совместном заявлении, подписанном 2 июня 2003 г. в Эвиане. Подписание Дополнительного протокола Ираном позволило бы снять подозрения относительно его ядерных амбиций, что помогло бы предотвратить силовое решение ядерной проблемы Ирана.

Включив Иран в «ось зла», апеллируя к военным инструментам давления, отказываясь от элементов политики «вовлечения», декларируя «максималистские цели», администрация Дж. Буша-мл. не способствовала стабилизации американо-иранских отношений, хотя вклад Тегерана в разлад между бывшими стратегическими союзниками был не меньше, если не больше вклада Вашингтона.

В **заключении** перечисляются особенности ближневосточной политики США после «холодной войны», а также сформулированы **основные выводы исследования, выносимые на защиту**.

1. Комплексный анализ политики двух президентов и их администраций позволяет говорить о преемственности внешнеполитического курса США на Ближнем Востоке после окончания «холодной войны». Прекращение противостояния двух ведущих мировых держав привело к кардинальной перемене всей системы международных отношений и вызвало необходимость пересмотра Соединенными Штатами основных стратегических целей и методов их достижения. Однако, несмотря на различие акцентов во внешнеполитических концепциях республиканской и демократической администраций, стратегическое видение и тактическое воплощение ближневосточной политики США оставались неизменными. Проведенный анализ позволяет рассматривать всю политику США на Ближнем Востоке как региональное проявление возникшего после прекращения военно-политической конфронтации двух сверхдержав состояния глобально-го «внеконкурентного» преобладания США.

²⁴ Подписание Дополнительного протокола осуществляется государствами – участниками ДНЯО на добровольной основе. На середину 2003 г. из 155 участников Договора 80 государств подписали Дополнительный протокол, но лишь 35 ввели его в действие.

2. Ключевой внешнеполитической миссией США в регионе было поддержание стабильности и безопасности региона в том смысле, который соответствовал задачам создания внешних условий обеспечения американской национальной безопасности. Эта первоочередная задача оставалась неизменной как для демократической, так и для республиканской администраций, и на ее выполнении были преимущественно сконцентрированы усилия Вашингтона. Эта задача была напрямую связана и с энергетическим фактором, то есть гарантией бесперебойных поставок нефти и сохранением американского влияния на процессы ценообразования на мировом рынке углеводородного сырья. По сути, достижение всеобъемлющего мирного урегулирования палестино-израильского конфликта, а также сдерживание Ирака и Ирана предпринимались ради достижения стабильности на Ближнем Востоке и решения этих политико-экономических задач.

3. Изменение международной политической системы, снижение авторитета и роли ООН в условиях роста числа региональных конфликтов позволили США претендовать на роль мирового лидера, способного справиться с нарастающей нестабильностью системы. Уже к концу 1997 г. некоторые представители американского истеблишмента заявляли о необходимости смены режима в Ираке в связи с невыполнением С. Хусейном резолюций ООН, призывающих режим к прекращению программ ОМУ. Сложившаяся к 2003 г. внутри- и внешнеполитическая ситуация позволила Дж. Бушу-мл. использовать военные методы и осуществить смену правящего режима в Ираке.

4. Анализ американской политики по отношению к палестино-израильскому конфликту позволяет констатировать стремление США играть роль одновременно инициатора, катализатора и гаранта переговорного процесса. Заключение мирного соглашения является одним из ключевых приоритетов США, поскольку напрямую взаимосвязано с возможностью стабилизации региона в целом, а следовательно, и обеспечения бесперебойных поставок нефти. Администрация У. Клинтона при помощи дипломатических методов добилась подписания ряда ключевых соглашений в деле урегулирования. Немаловажным фактором, обеспечившим ход переговорного процесса, был так называемый «фактор Клинтона», поскольку президент США принимал личное участие в переговорах и прекрасно ориентировался в сложной ситуации в регионе.

Администрация Дж. Буша-мл. также использовала дипломатические методы в деле урегулирования палестино-израильского конфликта, однако Дж. Буш-мл. предпочитал действовать в рамках ме-

ждународной коалиции коспонсоров. Представляется, что сложности внутриполитической ситуации как в США, так и в Израиле и Палестинской автономии, неспособность или нежелание участников конфликта идти на компромисс, а также отсутствие должного дипломатического давления Соединенных Штатов на стороны в конфликте не позволили достичь урегулирования.

5. На иракском направлении политика США претерпела, пожалуй, самую значительную эволюцию. При неизменности ключевых интересов США – обеспечение стабильности региона и гарантии бесперебойных поставок нефти – использовавшиеся практические подходы и методы администраций изменились. Администрация У. Клинтона изначально придерживалась идеи о необходимости ограничения односторонних военных действий за рубежом, и ключевым средством давления на Ирак оставались экономические санкции СБ ООН, гарантию исполнения которых взяли на себя США. Однако в ответ на провокационную политику С. Хусейна, позиции которого усиливались благодаря реализации программы «Нефть в обмен на продовольствие», в 1997–1998 гг. в США начала обсуждаться идея проведения более активной политики сдерживания, сочетающей политические и военные методы. Осуществление операции «Лис пустыни» позволило Америке существенно ослабить режим С. Хусейна. В то же время администрация Клинтона не решилась на осуществление смены режима в Ираке, продолжив политику сдерживания.

Позиция республиканской администрации во главе с Дж. Бушем-мл. по отношению к Ираку была более жесткой. По мнению Вашингтона, Багдад представлял угрозу безопасности в мире тем, что по-прежнему подозревался в производстве ОМУ и не оставлял попыток вновь разжечь конфликт на Ближнем Востоке путем финансирования террористических организаций в регионе. Республиканская администрация США стала выдвигать проекты, направленные на отстранение С. Хусейна от власти любыми способами, вплоть до военной операции с применением всех необходимых средств. Несмотря на отсутствие консенсуса с некоторыми трансатлантическими союзниками по данному вопросу Дж. Буш-мл. имел широкую поддержку внутри страны, позволившую ему провести операцию «Шок и трепет», в результате которой режим С. Хусейна был ликвидирован.

6. Попытки Тегерана оказывать негативное воздействие на конфликтные зоны, а также поддержка им террористических организаций сделали страну постоянным объектом американской политики, первоочередной целью которой является обеспечение стабильности в регионе.

Ключевым методом политики США по отношению к Ирану было сдерживание, направленное на экономическую и военную изоляцию страны с целью сокращения влияния Тегерана в регионе. Некоторый отход от политики сдерживания был осуществлен администрацией в 1998 г. в связи с избранием на пост президента Ирана менее консервативного лидера М. Хатами. Однако этот период длился недолго и не принес никаких качественных изменений.

Главной особенностью политики США в отношении Ирана в период президентства Дж. Буша-мл. стала линия на противодействие угрозам всеми средствами, включая политическое давление. Дополнительным поводом для усиления давления на ИРИ было и то, что для окончательного достижения стабильности в Ираке и Афганистане США было необходимо добиться от Ирана взаимодействия, а также отказа от развития ядерной программы, направленной на получение ядерного оружия, если он имел такие планы. В то же время, включив Иран в «ось зла», апеллируя к военным инструментам давления, отказываясь от элементов политики «вовлечения», администрация Дж. Буша-мл. затрудняла диалог не только между Ираном и США, но и между Ираном и МАГАТЭ.

7. В рамках изучаемого периода происходит усиление фактора антитерроризма во внешней политике США и ее идеально-пропагандистском сопровождении в целом и на ближневосточном направлении в частности. Если в период президентства У. Клинтона борьба с террористической угрозой вписывалась в рамки предпринимаемых США усилий по стабилизации региона (через достижение мирного урегулирования между Израилем и арабскими государствами, сдерживание Ирака при одновременном оказании гуманитарной помощи гражданскому населению и жесткие экономические санкции против Ирана, подозревавшегося в оказании военной помощи радикальным «Хезболле» и ХАМАС), то при Дж. Буше-мл. борьба с международным терроризмом стала одной из основ внешнеполитической концепции республиканской администрации, ее главным системообразующим фактором.

Жестокость и масштабность терактов 11 сентября 2001 г. вынудила США объявить войну с терроризмом, направленную, в частности, и против радикального исламизма. Под лозунгами борьбы с терроризмом США осуществили военную операцию в Афганистане, а затем в Ираке. Одной из целей сохранения и продолжения политики сдерживания Ирана было прекращение поддержки, оказываемой им радикальным исламским организациям и группировкам. На тезисе о необходимости предотвращения и искоренения угрозы терроризма фактически базировались основные принципы американской стратегии

гии при Дж. Буше-мл.: принцип превентивных ударов и продвижения демократии на Ближнем Востоке как альтернативы идеологии ненависти и страха, связывавшейся с терроризмом.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Устинова Ю.В. Некоторые аспекты противоречий США и Европы в регионе Ближнего Востока / Сборник материалов научной конференции аспирантов ИСКРАН. – М., 2003. – С. 79–87.
2. Устинова Ю.В. Раскол по-атлантически: США, Европа и иракский кризис // Космополис. – 2004. – № 3(9). – С. 117–128.
3. Устинова Ю.В. Как «правильно» начинать войну. Рецензия на книгу: Steve A. Yetiv. Explaining Foreign Policy: U.S. Decision-Making and the Persian Gulf War. Baltimore – London: The Johns Hopkins University Press, 2004. // Международные процессы. – 2005. – № 1 (7). – С. 121–124.
4. Устинова Ю.В. Амбивалентная роль США в ближневосточных кризисах // Кризисные явления в мировой экономике и политике. Мировое развитие. Выпуск 6. / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, А.В. Кузнецов – М.: ИМЭМО РАН. – 2010. – С. 233–240.
5. Топычканов П.В., Устинова Ю.В. К вопросу о перспективах создания второй «исламской бомбы»: сравнение внешних факторов развития ядерных программ Пакистана и Ирана // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 3. – С. 65–79.

Общий объем публикаций – 4,5 авт. л.

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ

На правах рукописи

**Устинова Ю.В.
ОСОБЕННОСТИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ США
ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»**

*(Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук)*

Подписано в печать 16.03.2011
Тираж 100 экз.

Объем 2 п.л. Формат 90 x 60 1/16.
Гарнитура Schoolbook, Textbook

Отдел научной информации ИСКРАН
Москва, Хлебный пер., 2/3. Телефон 697-0403.